

ЛЮБОВЬ ПРИБЫТКОВА.

ПРАВДУ НЕ УБИТЬ ЛОЖЬЮ!

Разрушению СССР предшествовала массивированная антисоветская обработка сознания советских людей. В середине 80-х годов, когда партийная и советская верхушка окончательно обуржуазилась и утратила классовую ориентацию в руководстве обществом, дисидентствующая интеллигенция захватила в свои руки средства массовой информации. Мощнейший грязевой поток хлынул на страницы печати, заливая все самое святое и прекрасное в советской истории. В ход пошло все: высмеивание наших нравственных ценностей, оплевывание героического прошлого советского народа, внедрение в сознание людей западных рыночных ценностей, переоценка исторических событий, откровенная ложь и клевета.

Особая роль в манипуляции сознанием людей отводилась и отводится отечественной истории, которая переписывается холуйствующей интеллигенцией в интересах класса собственников, пришедших к власти в России. В расчете на незнания или полужнания людей исторические факты сознательно искажаются, с шулерской ловкостью истинное подменяется ложным, политически малограмотным подбрасываются искусно сочиненные побасенки.

Одной из таких побасенок является миф о Павлике Морозове, как пионере-доносчике. В 1988 году в журнале “Юность” у В. Амлинского разыграла, видимо, потомственная кулацкая кровушка, и он вынес обвинительный вердикт пионеру-герою: “Павел Морозов – это не символ стойкости, классовой сознательности, а символ узаконенного предательства”.

Идею подхватила так называемая “демократическая” пресса. Литератор С. Соловейчик стал обличать советскую пропаганду в “дьявольской хитрости”: “Никто не может не почувствовать убитым в лесу мальчишкам, и, так, незаметно, под анестезией жалости к убитым, в сердца детей, читавших книгу, вливали жуткую вакцину против совести”.

Как-то по радио один московский господин делился со слушателями своими воспоминаниями о работе в США. Рассказал историю, произошедшую с его дочерью в американском колледже, когда она во время урока быстро расправилась с задачкой и помогла ее решить чернокожему соседу. Потом незаметно включила плеер и стала

слушать своего любимого Виктора Цоя. Какого же было ее удивление, когда этот чернокожий мальчик потом “сдал” ее учительнице. Закончил господин свои воспоминания словами – “похоже, что американцы – все Павлики Морозовы, стукачество – в их характере”.

Удивляться трюкачеству борзописцев не приходится. Подтверждаются слова Ленина в письме А.М. Горькому от 15 сентября 1919 г., что интеллигенция, ставшая пособником буржуазии, лакеем капитала, превращается из мозга нации в ее говно.

Так и теперь, журналисты и юристы, писатели и доценты с профессорами, как сказал наш прекрасный поэт Борис Гунько, “ненасытный откормленный сброд”, на все идут, чтобы остаться на плаву, угодить властямущим, не продешевить. И потому талантливо изворачиваются, хитрят, лгут, клеветают, на горло собственным прежним убеждениям наступают, холуйствуют, другим теперь руководствуются - чего изволите? С ПРАВДОЙ им не по пути.

А молодому подрастающему поколению сейчас трудно найти правду о нашей прошлой истории. Из многих библиотек советская литература выброшена, уничтожена. Я была свидетелем, как в начале 90х годов во дворе Иркутской областной больницы в громадном костре горели тысячи (!) томов прекрасных книг. Мы стояли у костра с болью в душе, со слезами на глазах. Ничего не могли сделать.

И возле Иркутского педагогического института, где я работала, в эти же годы мусорные баки были забиты литературой, выброшенной из шкафов кабинета кафедры философии и других общественных кафедр. Российские “демократы” устанавливали свою власть, как фашисты в Германии в 1933 году. Книги сжигали, памятники оскверняли и лгали, лгали, лгали.

Но правду, ни ложью, ни огнем не убить. История тому свидетельством. Хотя желающим добраться до истины, узнать правду о Павлике Морозове придется проделать немалую работу. Прежде всего, изучить то тяжелое время, когда только всходила заря новой жизни в нашей стране. Когда невыносимые условия бытия простых тружеников поднимали их на борьбу, когда слабые становились сильными и смелыми, а сильные боролись со злом не на жизнь, а на смерть и становились бессмертными.

Бессмертна и жизнь-подвиг тринадцатилетнего Павлика Морозова. Это имя и сейчас, по прошествии семидесяти лет, у врагов Советской Власти вызывает злобу и ужас. У нас же – стремление равняться на того уральского паренька. Не упасть вниз перед его памятью. Защитить

его светлое имя от надругательств. И радостно видеть, что дело его, жившего в начале XX века, продолжают сегодня молодые коммунисты-революционеры. Громят редакции их газет, бросают их в застенки буржуазных тюрем, пытаются, убивают, но они борются.

Чтобы понять героику жизни крестьянского подростка Павлика Морозова, надо хоть на миг приоткрыть временную завесу бытия забытой богом деревни Герасимовки в Тобольской губернии. Здесь в пяти верстах от озера Сатоково в глухой тайге поселились переселенцы из Витебской и Минской губерний Белоруссии.

Из всей царской России к началу XX века самым невыносимым было положение крестьян Белоруссии, где продолжало господствовать помещичье землевладение. Большинство крестьян было безземельным и безлошадным. Помещики старались сдавать в аренду сразу всю землю состоятельным арендаторам (сельская буржуазия), использующим труд батраков. Арендаторы старались нанимать не взрослых, а детей, которым можно было значительно меньше платить. Голод был постоянным спутником белорусского народа. Выход был один – переселяться на свободные земли за Уралом.

Переселялись и состоятельные крестьяне и беднота. Не каждому суждено было доехать. От голода и болезней многие переселенцы умирали в дороге. Тысячами безымянных могил отмечен этот путь на Восток. Богатеи быстро отстраивались на новом месте. Бедняки переезжали родственными группами, легче было осваиваться – корчевать лес, строить жилье, распахивать целину.

Заметным влиянием в Герасимовке обладал клан Сергея Морозова. Он не был крестьянином, как другие. Вырос в семье надзирателя Витебской тюрьмы, ставшего потом городовым. Сам работал при тюрьме посыльным. После смерти отца имел кое-какие деньжата для переселения. Жену Аксинью подыскал там же в тюрьме, она отбывала срок за кражу лошади. Двух дочерей Сергей Морозов отдал за двух богатеев – Кулуканова Арсения и Силина Арсения. Их добротные дома стояли рядом. Тут же срубили дома сыновья Иван и Трофим.

Население сразу же расслоилось на кулаков и бедняков, которым только каторжный труд давал надежду на выживание. После первого же сева беднота попадала в вечную кабалу. Семена приходилось брать у кулаков, так как купить их было не на что. За каждые пять пудов зерна надо было отработать пять дней на поле кулака. Свой раскорчеванный участок фактически приходилось засеять лишь после

того, как было засеяно поле “благодетеля”. Зерна большой семье едва хватало до нового года, а там опять бери в долг.

Учительница Л.П. Исакова рассказывала: “Я приехала в Герасимовку в 1929 году. Пошла по дворам записывать детей в школу. Бедность ужасающая. У детей не было даже одежки, чтобы ходить в школу. Дети на полатах сидели полуголые, прикрываясь тряпьем. Потом на уроках, бывало, снимали лапти и вешали на гвоздик, чтобы не топтать...”

Павлик был сыном Трофима Морозова и Татьяны. Отец окончил церковно-приходскую школу, крестьянским трудом никогда не занимался. Он работал заготовителем кореньев, ягод и грибов. Любил выпить и погулять. Когда старшему сыну Павлику исполнилось восемь лет, Трофим бросил семью, ушел к любовнице, с которой поселился у свояка Кулуканова, имевшего до десяти батраков.

Трофима Морозова избрали председателем сельсовета в Герасимовке, когда там установилась Советская власть, потому что он был почти единственным на селе, кто умел писать, читать и считать. По словам односельчан, он был мрачным, неразговорчивым и двуличным человеком. После избрания, стал важным, почувствовал вкус власти. На словах – был за народ, а на деле – “зажиточным делал всякие побрякушки, беднякам, вдовам, сиротам ничем не помогал”.

Своим положением Трофим Морозов пользовался в корыстных целях. Об этом подробно написала Вероника Кононенко в журнале “Человек и закон”, изучавшая уголовное дело № 347 от 1932 года о зверском убийстве братьев Павла и Федора Морозовых. Он стал спекулировать чистыми бланками сельсовета. За мешок зерна, кусок сала выдавал справки, благодаря которым раскулаченные спецпереселенцы имели возможность освободиться и вернуться в родные края. Присваивал конфискованное кулацкое имущество.

Трофим Морозов снабжал бланками сельсовета и кулацкие банды, которые держали в страхе все село. Из-за их зверств крестьяне боялись вступать в колхоз. Об этом есть многочисленные свидетельские показания в уголовном деле 342.

Брошенная жена Трофима и его пятеро сыновей жили в нищете. Младший Гриша вскоре умер от голода. Павлик и его братья батрачили. Семья едва сводила концы с концами. Брат Павлика Алексей Трофимович Морозов позже напишет: “Дед с бабкой никогда ничем не угостили, не приветили... Павлика дед называл “нищетою” и “голью перекаточной”.

Павел был единственной опорой для всей семьи. В нем с детских лет сформировалось в душе чувство несправедливости жизни, желание помочь не только младшим братьям и матери в тяжелом труде, но и всем, кто в его помощи нуждался. Когда в годы “перестройки” стали разрушать памятники Павлику Морозову, которого Максим Горький назвал первым из “отважных ребят, совершавших героические подвиги во славу любимой отчизны”, в редакцию журнала “Человек и закон” пришло письмо: “Пишет вам учительница Павлика Морозова Лариса Павловна Исакова. Не удивляйтесь, я еще жива... Когда ученика моего называют “предателем”, то бросают камни и в меня. Считают его “сталинистом” – относят к ним и людей моего поколения, “как прошедших специальную идеологическую обработку в течении многих пятилеток”. Один известный романист... считает, что у таких, как я, “надо вырвать целые участки мозга”, не замечая, что от его слов несет самым настоящим фашизмом. Пусть делают, что хотят, пусть ославят, как Павлика, но в жизни я столько уже натерпелась, что ничего не боюсь. И не дам глумиться ни над мертвыми, ни над живыми”.

Над Павликом Морозовым глумиться – преступление. Вся его жизнь – Подвиг. И это не просто громкое и красивое слово. Он читал газеты, привезенные большевиками, знал о революции, начале ее грандиозных преобразований. Пересказывал прочитанное селянам. Они любили его слушать, тянулись к нему. Своими рассуждениями он вселял в бедняков надежду, веру в возможность лучшей жизни, он пробуждал в них самосознание. Своим словом, смелостью, дерзостью звал их за собой.

После ареста Трофима Морозова допрашиваемый на суде Павлик ответил утвердительно, что его отец не заботился о бедняках, присваивал себе имущество раскулаченных. О справках он ничего не говорил, но следственным органам это не трудно было доказать, в таких свидетельствах подростка они и не нуждались.

После убийства мальчиков в уголовном деле есть показания деда Павлика, что внук “ходил по пятам за Силиным и Кулукановым, стыдил их за то, что они прячут хлеб”. Хитрому и жадному деду Павлик тоже не давал покоя. А дед подбивал другого своего внука Данилу бить Павла, бил сам и грозил “бить до тех пор, пока не выпишется из пионеров” (Из показаний матери Павлика Татьяны Семеновны на суде над убийцами ее сыновей).

Однажды Данила ударил Павла по руке оглоблей, рука стала опухать. На крики матери Павла Данила ответил: “Будем бить

коммунистов, как в 21-м году, сдерем с них шкуру”. И стал бить мать, которая встала между ним и сыном. Бабка Аксинья спокойно сказала Даниле: “Зарежь этого сопливого коммуниста” (на суде несколько человек подтвердили, что слышали от старухи эти жуткие слова). И 12 сентября 1932 года дед Сергей и Данила зверски убили собиравших клюкву в лесу Павлика и его девятилетнего брата Федю.

В размышлениях о судьбе Павлика Морозова удивляет его, не по возрасту, мудрость, развитое классовое чутье, твердость духа и потрясающая смелость, стойкость и упорство. Уже в тринадцать лет он сумел сплотить вокруг себя не только друзей, но и женатых взрослых крестьян-бедняков. Выступал на собраниях, рассказывал о проводимых Советской властью в стране мероприятиях, заступался за бедняков. Первым на селе подписался на государственный заем и других агитировал сделать это. Он убеждал мужиков превращать временные артельные объединения в постоянные, что практически вело к образованию колхозов.

Павел стал фактически лидером бедноты. Жизнь сделала его настоящим борцом. Он был как кость в горле у кулачья. Он мешал им наживаться, грабить, безраздельно хозяйничать на земле. Чем больше уважала Павлика беднота, тем больше его ненавидело кулачье. Они и убили его, чтобы убрать с дороги, чтобы запугать всех, чтобы помешать восходу солнца, остановить приход будущего.

То, что враги народа делали в тридцатых годах, сейчас в нашей стране делает буржуазия, под вывеской народных благодетелей - “демократов”. Они стреляют не только в живых, но и в павших борцов. Но всех не перестрелять! И ход истории не остановить!

Май 2005г.